

О НЕИЗДАННОЙ ХОЛМОГОРСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Летопись, содержащаяся в рукописи ГПБ собрания Погодина № 1405, до сих пор не привлекала внимания исследователей летописания. Нам известно лишь одно, да и то косвенное, упоминание об этой летописи — в «Истории России» С. М. Соловьева. В примечании к т. IV, говоря об обручении юного Ивана III в 1446 г., С. М. Соловьев привел цитату из «одной летописи рукоп. Импер. Публ. Библ. XVII века»: «Князь же великий поиде ко Твери, и обручал тогды князь великий за большого сына своего за князя Ивана Горбатого, тако бо зва его отец».¹ Поскольку приведенная фраза, как мы покажем ниже, читается именно в исследуемой летописи, а в других летописях, по-видимому, не встречается, можно думать, что Соловьев был знаком с летописью собрания Погодина № 1405, поступившей в Публичную библиотеку уже в 1852 г., вместе со всем собранием М. П. Погодина.²

Но в научной литературе последующего времени мы не находим упоминания о летописи Погод. 1405. Рукопись, содержавшая ее, не попала в число сборников, описанных А. Ф. Бычковым;³ не упоминается она и в обзоре летописных памятников ленинградских хранилищ, составленном А. Н. Насоновым.⁴

Рукопись Погод. 1405 относится к середине XVII в.; формат в четвертку, на 454 лл. Основную часть рукописи (лл. 13—445) со-

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. IV. Изд. 1. М., 1854, стр. VIII, прим. 83; ср.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II (тт. 3—4). Изд. 2. М., 1960, стр. 666.

² Отчет императорской Публичной библиотеки за 1852 г. СПб., 1853, стр. 21.

³ А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882.

⁴ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. Проблемы источниковедения, VI, 1958, стр. 234—264.

ставляет исследуемая летопись; кроме нее, в рукописи помещены только три памятника: в начале (лл. 1—12 об.) — известный хронографический текст XVII в. (без заголовка) о Словене, Русе, городе Словенске, близкий к так называемой Иоакимовской летописи;⁵ в конце ее (лл. 446—453; более крупным почерком, чем предшествующий текст) — летописец двинских воевод за 7061 (1553)—7167 (1659) гг. и на лл. 454—454 об. — отрывок о страшных знамениях в ноябре 7161 (1652) г. в «славянской земле», «на полпути меж сербом и Царяграда». Отделенная от предшествующего текста чистым листом (л. 12—12 об.; текст летописи размечен по верхнему полю листов особой славянской пагинацией), летопись имеет заголовок: «Книга летописец Киевский и Володимирский и Московский всех русских князей от лета [6] 360-го и родстве литовских князей в начале слово». Это последнее указание заголовка оправдывается, как мы увидим, дальнейшим текстом, где, действительно, содержится специальная статья о происхождении литовских князей. Текст летописи написан несколькими беглыми полууставными, переходящими в скоропись почерками; начиная с л. 341 (с л. 340 об. начинается последний почерк рукописи) вместо киноварных дат в рукописи оставлены пробелы, так что даты после 6954 (1446) г. приходится восстанавливать по содержанию и порядку известий.

Судя по первой части летописи Погод. 1405, она относится к той группе летописей, которые можно назвать летописями Софийской традиции (понимая под этим не только Софийскую I и Софийскую II, но и такие летописи, как Никаноровская, Вологодско-Пермская, Сокращенные своды конца XV в. и т. д.).⁶ Как и все летописи этой традиции, летопись Погод. 1405 имеет (л. 301 об.) характерный пробел в известиях между 6926 (1418) и 6930 (1422) гг., после окончания текста старшей редакции Софийской I летописи. В соответствии с традицией Софийской летописи в начальной части здесь читается (л. 16) известие о том, что пришедшие с Дуная «словене», поселившись у озера Ильмень, «посадиша старейшину Гостомысла». Однако читающегося в большинстве летописей этой традиции введения к «Софийскому временнику» и обращения к «стаду христову» о «древних князьях» мы тут не обнаруживаем (ср. л. 23 об.).

Не разбирая здесь эту часть летописи (до 1418 г.) подробно, отметим ряд известий, не читающихся в летописях Софийской традиции и в других летописях. Так, под 6728 (1220) г. здесь пове-

⁵ А. Н. Попов. Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 442—447; аналогичный текст содержится и в Ленинградском списке Никаноровской летописи (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 137—141).

⁶ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 151—153, 165; А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). Проблемы источниковедения, IV, 1955, стр. 246.

ствуется о посылке князем Юрием Всеволодовичем своего брата Святослава на болгар и о взятии им города Ошела, «иже бе создан Александром Макидонским» (л. 189).⁷ Другое известие, чуждое Софийской I летописи и вообще русскому летописанию, читается под 6829 (1321) г. (лл. 247 об.—248). Это — рассказ о происхождении литовских князей от конюха московского князя Гедиманика (и связанное с ним известие о литовском князе Витенце на л. 237 об.). Рассказ этот близок к преданиям, содержащимся в «Сказании о князьях Владимирских» и связанных с ним памятниках.⁸ Отметим также, что как в этой, так и в последующей части летописи содержится ряд вставных статей и повестей: «О князи Александре Невском» (лл. 208—210), «Убиение князя Михаила Черниговского» (лл. 213 об.—218), «О убиении царя Батые» (л. 218 об.—220), «О князе Доманте» (лл. 224 об.—226), «Рукописание Магнуша короля Свескаго» (л. 257 об.—259), «Сий ярлык жаловалный дала Тайбула царица Ченебекова Алексею митрополиту» (лл. 260—261), «О Темирь-Аксаце цари» (л. 284 об.—288 об.), «О собрании патриарх к папе римскому» — сказание Симеона Суздальца (л. 311 об.—326), «О взятии Царяграда» (л. 344—370 об.), рассказ о еретиках («Сказание о новоявившейся ереси без заголовка») из «Просветителя» (л. 395 об.—404 об.) и послание старца Филофея Мисюрю Мунехину (лл. 428 об.—437, без начала и конца; по-видимому, в протографе летописи был какой-то дефект).⁹

Наибольший интерес в качестве исторического источника представляет вторая часть летописи, содержащая известия, относящиеся к XV и к первой половине XVI в. Мы не можем отождествить этот летописный текст ни с одним из известных нам летописных сводов. Наиболее близка к Погод. 1405, по-видимому, Вологодско-Пермская летопись, но сходство между ними доходит лишь до 7000 (1492) г., дальше можно говорить лишь об отдельных совпадениях; текст летописи Погод. 1405 за XV—первую половину XVI в. содержит множество совершенно своеобразных известий, не находящихся соответствия в других летописях. К числу таких известий

⁷ Пространный рассказ о походе 1220 г., близкий к рассказу Погод. 1405, читается только в Воскресенской летописи (ПСРЛ, т. VII, стр. 126—128), но упоминания об осознании Ошела Александром Македонским там нет.

⁸ Ср.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, стр. 86—88, 166—168, 179—180, а также ПСРЛ, т. XVII, стр. 589, 602—603. Иван Грозный отвергал это предание (Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1950, стр. 260), и в официальном летописании оно не отразилось.

⁹ В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, прилож., стр. 38—47; в Погод. 1405 (л. 428 об.) фраза о попытке бегства в Литву (в 1511 г.) брата Василия II — «тоже же зимы князь Семен Иванович советом...» (ср.: ПСРЛ, т. XXVI, стр. 302) непосредственно переходит во фразу из послания Филофея: «...Шестокрылу считает дробные часы»; текст послания Филофея обрывается (л. 437) на словах: «...и слышати сладкий, и блаженный, и вождённый глас его...»; далее снова следуют летописные известия (за 1525 г.).

принадлежит, например, заинтересовавшее С. М. Соловьева упоминание о прозвище Ивана III, данном ему отцом, «Иван Горбатый»; об этом прозвище сообщается под 6954 (1446) г. (л. 339 об.) и вновь, когда речь идет о внуке Ивана III Дмитрии, — «тоя же зимы преставися благоверный князь велики Дмитрей Иванович, внук великого князя Ивана Горбатого» (л. 427 об.).¹⁰ Заслуживает всяческого внимания известие Погод. 1405 об отложении Махмед Аминя Казанского от Москвы после назначения великим князем Василия Ивановича: «Аз есми целовал роту за великого князя Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дни живота нашего, и не хочу быти за великим князем Васильем Ивановичем. Велики князь Василей изменил братаничю своему великому князю Дмитрею, поймал его через крестное целование. А аз, Магмет Амин, казанский царь, не рек ся быти за великим князем Васильем Ивановичем, ни роты есми пил, ни быти с ним не хочу» (л. 424).¹¹ Весьма своеобразный характер имеет текст летописи за XVI в.: этот текст резко отличается от Воскресенской, Никоновской и других официальных летописных сводов XVI в. Он значительно короче, чем в этих сводах; некоторые важные факты совсем не отмечены, но, лишенная официозности, летопись Погод. 1405 зато сообщает такие факты, о которых Никоновская и другие летописи умалчивали. Мы читаем здесь, например, о нападении на епископа Крутицкого Досифея Забелу, совершенном (в 1530—1533 гг.) каким-то неизвестным «разбойником»: «Того же лета розбойник розбил монастырь и владыку на Крутици» (л. 438), о нападении татар на Зарайск в момент смерти Василия III и вокняжения Ивана IV (л. 438—438 об.). Очень интересно описаны в летописи Погод. 1405 события казанской войны 1552 г. Летописец рассказывает о нападении на Тулу, предпринятом крымским ханом во время похода Ивана IV на Казань: «А пришел под Тулу безвестно, и вскоре послал царь князь велики бояр своих и воевод, князя Петра Михайловича Щенятева, да князя Ивана Ивановича Пронского-Турунтая, да князь Юрья Ивановича Пронского-Шемякина, да Федора Игнатьевича Салтыкова-Морозова, да князя Михаила Петровича Репнина, да с ними воевод своих многих с силою великою... И стоял царь Крымской под Тулою 4 дни, а велел бити во град Тулу из снаряду ис пушек великих. И как пришли воеводы великого князя под град Тулу и крымски царь побежал. И туто татар многих побили и языков

¹⁰ В остальном (кроме прозвища Ивана III) известие Погод. 1405 о смерти Дмитрия (определение «благоверный», слова «в нужды», «в тюрьме») совпадает с известием Вологодско-Пермской летописи (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 300—301).

¹¹ Начало этого известия (о рассылке русских пленных в «Астрахань и в Нагаи») совпадает с Вологодско-Пермской летописью (там же, стр. 297). Приведенное известие Погод. 1405 было опубликовано нами в 1948 г. в статье «Первые идеологи Московского самодержавия» (Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 78, 1948, стр. 105).

многих поимали и полон отполонили и вельблюды крымского царя многи поимали, и наряд Крымского царя поймавшие, пушки и пищали и зелья. Да воротились воеводы ко царю великому князю, и весь наряд привезли. И тут их царь и велики князь, воевод своих, пожаловал, которые ходили против крымского царя» (лл. 440 об. — 441). Никоновская летопись, расходясь с Погод. 1405 в именах воевод, участвовавших в походе под Тулу (не назван И. И. Пронский-Шемякин, но упоминаются А. М. Курбский, Д. И. Хилков и М. И. Воротынский),¹² совершенно иначе объясняет исход событий. Согласно этой летописи, обороняли Тулу сами горожане, а воеводы опоздали — «воеводы пришли на Тулу, а царь побежал за три часа до них»; ни о каком «пожаловании» воевод здесь ничего не говорится.¹³ Такое изложение в Никоновской летописи полностью соответствует позиции Ивана Грозного, ставившего в 1564 г. в послании Курбскому в вину Курбскому и другим боярам их мешкание и опоздание во время нападения хана на Тулу в 1552 г.¹⁴

Своеобразие летописного текста Погод. 1405 затрудняет определение его источников. Но некоторые предположения по этому вопросу могут быть высказаны. Мы уже отметили выше близость летописи Погод. 1405 (особенно в известиях второй половины XV в.) к Вологодско-Пермской летописи. Особенно важно наличие в летописи Погод. 1405 ряда известий, характерных только для Вологодско-Пермской и относящихся к русскому Северу (в особенности к Приуралью). Это известие о походе на вогульского князя Асыку (в 6991—1483 г.) и о посольстве от Юмшана (лл. 392 об. — 393 об.), о мире (6993 — 1485 г.) с кодскими князьями (лл. 393 об. — 394), о взятии Вятки (л. 395), о делах пермского владыки Филофея (л. 405 об.)¹⁵ и др. Совпадают с Вологодско-Пермской летописью и некоторые специфические известия общерусского характера, например, известие об аресте Андрея Углицкого (без упоминания о снятии крестного целования) в 7000 (1491) г. и о вызове и поездке в Москву «в велице тузе» Бориса Волоцкого (лл. 404 об. — 405), об опале на Ромодановского и Коробова (л. 419).¹⁶

Летопись Погод. 1405, несомненно, восходила к общему источнику с Вологодско-Пермской летописью, но передавала этот источник иначе и в некоторых случаях полнее, чем Вологодско-Пермская

¹² ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 188, 190.

¹³ Там же, стр. 190; ср.: там же, вторая половина, стр. 487.

¹⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 56. Курбский, напротив, считал свое выступление под Тулой «светлым одолением» (А. М. Курбский. История о великом князе Московском. СПб., 1913, оттиск из РИБ, т. 13, стб. 15—17).

¹⁵ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 275—277, 279, 288.

¹⁶ Там же, стр. 287, 291 (в Вологодско-Пермской известие об опале на Ромодановского помещено ниже известия об опале на Ряполовского и Патрикеевых, в Погод. 1405 — выше).

летопись. Об этом свидетельствуют известия Погод. 1405, отсутствующие в Вологодско-Пермской, но также относящиеся к русскому Северу, например, известие о смерти Павла Обнорского в 6937 (1429) г. (л. 302 об.), известие об основании Григорием «Лопотом» в 6934 (1426) г. общежительного монастыря на р. Пельшме (л. 326), об обстоятельствах посылки в 1491 г. экспедиции за серебряной рудой на Печеру и Цильму: «...а делавцов с ними с Устюга 60 человек, з Двины 100 человек, с Пенеге 80 человек, а пермичь и вымич и вычегжан 100 человек, тем ужи напровадити, а не делати» (л. 404 об.), о строительстве «города» на Вологде в 1525 г. (л. 437 об.) и т. д.

По мере приближения к концу северные известия Погод. 1405 становятся все более частыми и приобретают конкретную локализацию: речь идет о городе Холмогорах и примыкающей к нему области Двины. В этих случаях летопись Погод. 1405 часто оказывается сходной с летописным памятником начала XVIII в. — так называемым Двинским летописцем. С Двинским летописцем, как и с Вологодско-Пермской летописью, совпадает известие 6999 г. о возвращении с Печеры рудознатцев (лл. 405 об.—406); далее мы читаем в Погод. 1405 целую серию совпадающих с Двинским летописцем известий: о пожарах в Холмогорах в 1530 (л. 438) и в 1534 г. (л. 438 об.), о солнечном затмении и запоздалом вскрытии Двины в 1541 г. (л. 438 об.), о ранней весне в 1546 г. (л. 429), о пожарах в Холмогорах в 1546, 1547 и 1549 гг. (лл. 439 об.—440), о дороговизне хлеба и о приезде на Двину писцов Заболоцкого и Темирева в 1550 г. и, наконец, ряд известий о приезде первых английских путешественников в 1555—1556 гг. (лл. 442 об.—444).¹⁷

Обилие и систематичность известий о Холмогорах и Двинской земле в последней части летописи (она и заканчивается двинскими известиями) позволяют сделать вывод, что она была, вероятнее всего, составлена в Холмогорах. Но, несмотря на сходство Холмогорской летописи (как мы предлагаем именовать новый летописный памятник) с Двинским летописцем XVIII в., ее нельзя считать источником этого летописца. Не говоря уже о том, что Холмогорская летопись до конца своего изложения сохраняет общерусский, а не местный характер, даже двинские известия в обоих источниках не всегда совпадают. Холмогорская летопись менее систематически сообщает о двинских наместниках (более подробные сведения об этих наместниках читаются в кратком летописце двинских воевод, помещенном в рукописи Погод. 1405 на лл. 446—

¹⁷ ДРВ, ч. XVIII, М., 1791, стр. 9—14; А. А. Титов. Летопись Двинская, М., 1889, стр. 8—13. Ср. рассказ о приезде англичан в отрывке XVII в. в сборнике ГПБ, собрания Погодина № 1573, лл. 11—15 (А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки, стр. 139).

453, отдельно от Холмогорской летописи)¹⁸ и о «выборных холмогорских головах».¹⁹ С другой стороны, в Холмогорской летописи содержатся и такие двинские известия, которых не знает Двинский летописец. Так, под 7061(1553) г. (дата сохранилась внутри текста) здесь читается: «Того же году на весну прислал царь князь велики Ивана Федоровича Шишкина на Двину, а здесь людей взять итти на Цилму руды копати. Он же шед и руду копал и недобра бысть» (442 об.). Отсутствует в Двинском летописце и известие, которым заканчивается Холмогорская летопись: «Того же году (судя по предыдущему известию, это 1559 г.) писец был на Двине Василий Иванович Молчанов и был от августа до февраля. И царь князь велики спалился на него и велел его поймав к Москве свести, тако и привезоша его и пограбиша живот его весь. Того же лета послал царь князь велики на Двину другого писца Василья Михайловича Гагина» (л. 445 об.).

Доведенная до 1559 г., Холмогорская летопись может, по нашему мнению, рассматриваться как памятник летописания XVI в., созданный на севере Русского государства, но имевший общерусский характер и использовавший не только местные, но и многие другие источники. Среди этих источников наряду с протографом Вологодско-Пермской летописи может быть названа некая летопись (или летописное предание), специально следившая за делами Западной Руси, но враждебная династии Гедимины, а также какой-то источник, интересовавшийся казанско-русскими отношениями. К этому источнику может быть возведено известие о взятии болгарского города Ошела и о дальнейшей борьбе за Казань, которую летопись даже под 1552 г. (л. 441) именует «юртом болгар».

Своеобразие Холмогорской летописи, наличие в ней ряда известий, отсутствующих в других источниках, — все это делает весьма желательным ее скорейшее опубликование.